

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-1-153-165>

Научная статья / Research Article

Экзистенциальные основания «мистического опыта»

В.М. Найдыш✉, О.В. Найдыш

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6,
✉v.naidysh@bk.ru

Аннотация. В существующих философских интерпретациях мистического опыта (конструктивизм, эссенциализм и др.) его сущность, как правило, усматривается в особенностях «мистического знания». При этом остаются в тени ценностно-смысловые основания мистического опыта, его экзистенциальный аспект. В данной статье мистический опыт анализируется с позиций теорий предметной активности субъекта — сложившейся в отечественной психологии теории деятельности, энактивизма, концепции «жизненного мира». Показано, что сущность мистического опыта проявляется не в когнитивном, а в ценностно-смысловом, экзистенциальном отношении к миру, которое представлено двумя группами ценностно-смысловых установок. В первой выражена зависимость субъекта от сакрального объекта мистического опыта, во второй — волевая нацеленность субъекта на преодоление такой зависимости, «освоение», «обретение» сакрального объекта. Эти установки отражают двойственность потребностно-мотивационной сферы сознания, которая придает деятельности субъекта, с одной стороны, активность, энергетику, а с другой, — смысл. В мистическом опыте предметом активно-деятельного «освоения», «обретения» (которое может быть как реальным, так и виртуальным) является имагинарная «потусторонняя реальность». Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что мистический опыт является одной из форм мотивационных состояний сознания. Ее особенность в том, что она нацелена на реализацию потребности в гармонизации отношений субъекта с природной и социальной средой, обретении субъектом смысла «существования своего Я» во всегда открытом в будущее, незавершенном жизненном мире. Именно мотивационная основа придает мистическому опыту импровизационный характер, а также творческий, обновленческий потенциал (в границах чувственно-эмоционального переживания мира субъектом). В статье проанализировано также понятие смысловой реальности. Показано, что смысловые основания мистического опыта отражают индивидуально-неповторимые стороны жизнедеятельности человека, являются результатом взаимодействий множества факторов социокультурного, индивидуально-личностного характера (психологических, медицинских, фармакологических, гендерных, психиатрических и др.).

Ключевые слова: мистика, знание, смыслы, ценности, жизненный мир, опыт, эмоции, экстаз, субъект, объект

© Найдыш В.М., Найдыш О.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Информация о финансировании и благодарности. Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

История статьи:

Статья поступила 26.10.2021

Статья принята к публикации 16.01.2022

Для цитирования: Найдыш В.М., Найдыш О.В. Экзистенциальные основания «мистического опыта» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 1. С. 153—165. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-1-153-165>

Existential Foundations of the "Mystical Experience"

V.M. Naydysh✉, O.V. Naydysh

RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation,
✉v.naidysh@bk.ru

Annotation. In the existing philosophical interpretations of mystical experience (constructivism, essentialism, etc.), its essence is usually seen in the features of "mystical knowledge". At the same time, the value-semantic foundations of mystical experience and its existential aspect remain in the shadows. In this article, the mystical experience is analyzed from the standpoint of the theories of the subject's objective activity — the theory of activity (developed in Russian psychology), enactivism, and the concept of the "life world". It is shown that the essence of mystical experience is manifested not in cognitive, but in value-semantic, existential attitude to the world, which is represented by two groups of value-semantic viewpoints. In the first, the dependence of the subject on the sacred object of mystical experience is expressed, in the second — the volitional focus of the subject on overcoming such dependence, "mastering", "acquiring" the sacred object. These attitudes reflect the duality of the need-motivational sphere of consciousness, which gives the activity of the subject, on the one hand, activity, energy, and on the other, meaning. In mystical experience, the subject of active "development", "acquisition" (which can be both real and virtual) is an imaginative "otherworldly reality". The analysis allows us to conclude that mystical experience is one of the forms of motivational states of consciousness. Its peculiarity is that it is aimed at realizing the need for the harmonization of the subject's relations with the natural and social environment, the subject's finding the meaning of the "existence of his self" in an always open to the future, incomplete life world. It is the motivational basis that gives the mystical experience an improvisational character, as well as a creative, renewing potential (within the boundaries of the sensory-emotional experience of the world by the subject). The article also analyzes the concept of semantic reality. It is shown that the semantic foundations of mystical experience reflect the individually unique aspects of human life, are the result of the interactions of many factors of socio-cultural, individual-personal nature (psychological, medical, pharmacological, gender, psychiatric, etc.).

Keywords: mysticism, knowledge, meanings, values, life world, experience, emotions, ecstasy, subject, object

Funding and Acknowledgement of Sources. The paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Article history:

The article was submitted on 26.10.2021

The article was accepted on 16.01.2022

For citation: Naydysh VM, Naydysh OV. Existential Foundations of the "Mystical Experience". *RUDN Journal of Philosophy*. 2022;26(1):153—165. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-1-153-165>

Введение

Одна из характерных особенностей (мировой и отечественной) духовной культуры первой четверти XXI вв. — накат очередной исторической волны ремистеризации и ремифологизации сознания. Возрождаются, казалось бы, давно исчезнувшие с горизонта культуры, языческие суеверия, мантические и мистические практики, оккультизм, магия, спиритизм, колдовство; возникают различные формы неомифотворчества (например, квазинаучная мифология [1]). Атмосфера загадочности все в большей мере пронизывает сферы СМИ, рекламы, обыденное, политическое сознание; буквально у нас на глазах множатся разного рода «тайные» общества, культы, расцветает сектантство всех мастей и др. Возрастает интерес к воспроизводству различных форм ядра мистицизма — мистического опыта. Это состояние сознания, которое ощущается как высший момент концентрации и актуализации человеческой духовности и переживается личностью как проявление своих особых отношений с трансцендентной реальностью. Переживание мистического опыта объявляется ведущим фактором жизни мистика, главной целью мистического эзотеризма. При этом мистический опыт обычно сочетается с обрядово-ритуальными действиями (магические, аскетические, очистительные практики, инициации, жертвоприношения, медитация, ритмические танцы, музыка, пение и др.), которые могут стимулироваться нейроактивными препаратами (наркотики, галлюциногены, алкоголь и др.).

В этих условиях закономерно актуализируется научно-философский интерес к проблематике мистицизма, осмыслению его культурно-творческих оснований, роли и места в историческом процессе и др. Одна из ключевых загадок на этом проблемном поле — обновленческий потенциал мистицизма, который, по словам В.С. Соловьева, является формой «творческого отношения человеческого чувства к трансцендентному миру» [2. С. 152]. На наш взгляд, прояснить этот вопрос можно через анализ оснований «мистического опыта». Ведь именно он является той «элементарной клеточкой» системы мистических воззрений, в которой сконцентрированы фундаментальные отношения мистицизма с реальностью.

Мистический опыт как объект познания

История культуры полна «откровений» «избранных» личностей о пережитом ими мистическом опыте. Сопровождаемая богатейшей гаммой чувственно-эмоциональных переживаний, мистический опыт порождает вокруг

себя токи высокой духовной напряженности, задевает глубинные чувственные струны; он способен завораживать, увлекать, пленять, восхищать, а также наполнять сознание тревогой и страхом. Кульминационные моменты такого опыта («просветленное сознание», «внутреннее озарение», транс, экстаз и др.) насыщены энергетикой, волевой мощью, самозабвением, перерастающим в восторг. Наиболее известная форма кульминации — экстаз. Это сложное, многозначное, амбивалентное состояние сознания, которое сопровождается ощущением блаженства и самозабвения, перерастающими в чувство восторга, радости и восхищения, отрешенностью от пространства и времени, окружающего бытия, от общения с Другим и др. Здесь субъект ощущает себя наполненным волевой мощью, способным преодолевать время и пространство, «парить над действительностью», проникать в другие реальности («эзотерические миры»), избавиться от грехов и даже «от самое себя», т. е. стать вне или над собой. Экстаз переживается «избранной» личностью как исчезновение противоположности субъект-объектных отношений, размывание межсубъектных границ (трансперсональность), как состояние, позволяющее отождествлять себя со всем живым, Вселенной, Богом. И в тоже время экстаз парадоксален, внерационален, алогичен, сопровождается утратой самоконтроля, невыразим в языке и др.

Из содержания «откровений» следует, что мистический опыт уникален, не поддается понятийному обобщению, трудно выражаем средствами естественного языка («нет слов, в которых можно хотя бы приблизительно выразить это состояние») и др. Свои переживания мистики интерпретируют как полное преобразование собственного сознания, которое необходимо для «снятия» противоположности субъекта и объекта, «выхода» в трансперсональную духовность, где человеческое «растворяется» в божественном, и др. При этом кульминационные моменты («внезапный свет») трактуются как свидетельства результативности взаимодействия «посвященного» с трансцендентной реальностью, которая существует вне пространства, времени и причинно-следственных связей.

Мистический опыт и сопровождавшие его ритуальные практики всегда вызывали не только комплекс противоречивых чувств (восхищение, трепет, страх и др.), но и повышенный познавательный интерес. В истории культуры мистический опыт становился предметом различных когнитивных парадигм. Среди них — теологические, философские, художественно-эстетические (литературные, изобразительные, драматические, например, в форме античных и средневековых мистерий [3]), конкретно-научные и др.

В русле философско-теологических реминисценций и ретроспекций мистический опыт трактовался и как особый тип знания, способный непосредственно (интуитивно) постигать потустороннюю (трансцендентную, сакральную) реальность, а также волевым образом воздействовать на такую реальность, достигая тождества человеческого и божественного. Эмпирический материал и концептуальный инструментарий таких умозрительных схем

черпался из нескольких источников. Во-первых, это «откровения» о переживании мистического опыта особыми «посвященными» личностями. Ими полна история религии и мистицизма. Они носят характер импровизаций, в которых естественным языком, образами обыденного сознания представлены субъективные переживания субъекта такого опыта. В такие «откровения», как правило, «вплавлены» и авторские интерпретации сущности мистического опыта.

Во-вторых, это доктринальные представления религиозного сознания о характере связей человека с сакральным Абсолютом, который не доступен обычному чувственному восприятию, но постигается особым, рационально не выражаемым, аффективным переживанием. Мистический опыт — это личное и непосредственное взаимодействие человека и Абсолюта, которое является исключительным источником вдохновения и жизненной силы. Абсолют — это всегда Тайна, в которой сконцентрированы два экзистенциальных отношения: зависимость субъекта от объекта тайны и волевая нацеленность на преодоление такой зависимости [4]. Поэтому мистический опыт всегда имел двойственную трактовку. С одной стороны, религиозной, он трактовался как средство влияния божественного на человеческое через таинства, в которых усматривалось свидетельство того, что Бог дает индивиду спасительный шанс, возможность одуматься и измениться. С другой стороны, собственно мистической, в мистическом опыте предполагается не только влияние божественного на человеческое, но и обратное влияние — человеческого на божественное. Иначе говоря, направленное воздействие субъекта на Абсолют с целью получения каких-либо предпочтений.

В-третьих, авторские интерпретации мистического опыта всегда несли в себе следы архетипов этнокультуры, соционормативных регуляторов поведения, ценностно-смысловых установок культурных традиций, их ментальности и др. [5. С. 134—144; 6—8]. Так, например, если в западной традиции мистицизма предполагалось, что субъектом мистического опыта могут быть лишь отдельные, особо одаренные личности («посвященные»), то восточная традиция (например, суфизм) допускает, что каждый человек способен на активное самосовершенствование через мистические практики. Причем такому мистическому самосовершенствованию отдавалось предпочтение перед сознательной бездеятельностью, т. е. фатализмом.

В середине XIX в., в общем русле становления («позитивных») социально-гуманитарных наук, происходит поворот от философско-теологического к конкретно-научному анализу мистицизма, в котором мистический опыт рассматривается как измененное состояние сознания (со своей особой динамикой, различными этапами и др.) [9]. Отдельная отрасль — исследования обрядово-ритуальных аспектов мистического опыта, возможностей их использования при разработке психотехник прикладной психологии. Здесь особое внимание уделялось таким психопрактикам, как гипнотизм, «детектор лжи», нейролингвистическое программирование (НЛП), методы

трансперсональной психологии, нацеленные на искусственные измененные состояния сознания (с помощью нейроактивных препаратов — фармакологических, наркотических, галлюциногенных и др.) и др. Вместе с тем, в области исследований «мистического опыта» еще остается немало «белых пятен». Так, все еще остаются полисемантическими, неопределенными многие базовые понятия и категории анализа мистического опыта. Вплоть до того, что некоторые авторы предлагают вообще отказаться от термина «мистицизм» [10. С. 7]. Нет ясности и в проблеме оснований мистического опыта.

Проблема оснований мистического опыта

В настоящее время в понимании оснований мистического опыта противостоят друг другу два основных подхода — конструктивизм и эссенциализм [11]. В основе конструктивизма — тезис о «смысловом зазоре» между переживаниями субъекта мистического опыта и их авторской интерпретацией, которая опирается на обыденное, стихийно-эмпирическое сознание и выражается в естественном языке. Такая интерпретация представляет собой «мозаику» из наглядных образов и смыслов личного опыта, круга усвоенных мистиком мировоззренческих и идеологических идей, его экзистенциальных ожиданий, настроений, в том числе сиюминутных и случайных, и др. Она является результатом социально-культурной детерминации сознания, психики индивида, преломленной сквозь призму его жизнедеятельности, которая всегда уникальна и неповторима. Из этого сторонники конструктивизма делают вывод, что мистический опыт не имеет онтологических оснований и ничем не отличается от любого другого человеческого опыта. А представления о наличии особых закономерностей мистического опыта порождены текстами, в которых они описываются и интерпретируются «избранными» личностями. Однако текст — это «семантическое событие» [12. Р. 216], явление семантической реальности, которая находится в сложных противоречивых отношениях с объективной реальностью. Потому нарративы мистического опыта, его реконструкции на основе письменных источников нужно рассматривать как иллюзии, «пустые конструкты», которым не соответствуют никакие онтологические референты [13; 14].

Конструктивизму противостоит эссенциализм, который исходит из наличия в мистическом опыте объективных закономерностей (интуитивность, кратковременность, бездеятельность воли, невыразимость, утеря ощущения пространства и времени; парадоксальность и др.), за которыми скрыта онтологическая основа мистического отношения к миру. Существует несколько трактовок такой основы. Наиболее распространена позиция, связывающая онтологию мистического опыта с сакральной, трансцендентной «потусторонней реальностью». Доказательство ее существования усматривается в присущей избранным личностям «жажде» такой реальности («сердце к сердцу говорит»). Поэтому избранным личностям и «приходят послания» «из мира Абсолютной Жизни, Абсолютной Красоты, Абсолютной Истины вне границ

времени и пространства, — сообщения, которые большинство из нас переводит (неизбежно искажая) на язык религии, красоты, любви или страдания» [15. С. 34].

Кроме того, во вневероисповедных формах мистицизма сложились концепции, усматривающие основания мистического опыта в биологической или психологической организации человека. Биологическая интерпретация аргументируется тем, что мистический опыт существенно зависит от стимуляторов (медицинских, фармакологических, психоделических и др.), от состояния нервной системы (ее нормы или патологии) и др. Одним из вариантов является т. н. редукционистская концепция мистицизма, в которой мистический опыт трактуется как непосредственное следствие воздействия психоделических веществ [16—19]. Психологические интерпретации связывают онтологические основания мистического опыта со структурно-функциональными особенностями нервной системы, мозга. Так, например, указывают на существование независимой от культуры (не вполне определенной) «фундаментальной человеческой психофизиологической структуры», активность которой порождает мистический опыт [20].

Множественные попытки преодолеть оппозицию конструктивизма и эссенциализма обычно опираются на понимание мистического опыта как особого знания. Это знание, которое опирается не на логику, а на переживание «акта единения» с потусторонней реальностью; оно не сводится «а) к впечатлениям органов чувств; б) к какому бы то ни было умственному процессу; в) к раскрытию содержания нормального сознания» [15. С. 34]. Такое знание является не отражением чувственной реальности (в образно-понятийных формах), а ее «непосредственным переживанием»; оно «покидает сугубо интеллектуальную сферу и принимает устойчивую форму личной страсти» [15. С. 33]. Мистическое знание — это такое знание, в котором смысл доминирует над содержанием образа, когнитивная составляющая подчинена ценностно-смысловой. Такое «любимое, обретаемое, живое» [15. С. 35] знание по сути является «игрой смыслов». Иначе говоря, мистический опыт следует характеризовать как состояние сознания, в котором доминирует не когнитивное, а экзистенциальное отношение к миру, а основания мистического опыта искать не в особенностях мистического знания, а в ценностно-смысловом, экзистенциальном отношении субъекта к реальности.

Как можно конкретизировать понятие экзистенциальных оснований мистического опыта? На наш взгляд, теоретико-методологической базой такого анализа могут выступать философские теории активности субъекта — психологическая теория деятельности (С.Л. Рубинштейн [21], А.Н. Леонтьев [22], П.Я. Гальперин [23] и др.), энактивизм (Ф. Варелы, У. Матурана [24]), концепция «жизненного мира» Я. фон Икссюля [25], открывшая концептуальные пути решения проблемы теоретического моделирования оснований смысловой реальности.

Понятие смысловой реальности

Прояснению проблемы смысловой реальности в значительной мере способствовали идеи и понятия теории совершенства биологического организма Я. фон Икскюля. Эта теория базировалась на представлении, что критерии биологического совершенства нужно искать не в естественном отборе, а на пути сравнения «структурного плана организма» (т. е. его анатомической, морфологической, физиологической организации) с тем, как такой план реализован конкретным биологическим видом [26]. (Здесь заметно идейное влияние катастрофизма Ж. Кювье). Поскольку жизнедеятельность организма направлена на удовлетворение потребностей и определяется его структурной организацией, то организм «выкраивает» для себя в окружающей природной среде «срезы» (фрагменты, области), на которые он способен непосредственно воздействовать, и в которых сосредоточено все необходимое для его жизнедеятельности. Такие «срезы», области природной среды составляют «жизненный мир или внешний мир животного» (Umwelt). Биологический организм выступает частью «жизненного мира», а «жизненный мир» — моментом жизнедеятельности организма [26].

Понятие «жизненного мира» Я. фон Икскюль дополняет понятием «внутреннего мира» организма (Innenwelt), являющегося нейромоделью объективной реальности, которая направляет действия организма, его взаимодействия со средой. Во внутреннем мире Я. фон Икскюль выделяет две подсистемы. Во-первых, подсистему, обеспечивающую восприятие характеристик жизненного мира (Merknetz). Во-вторых, подсистему эффекторов, аппарата действия, которым организм воздействует на внешний мир (Wirknetz). Эти подсистемы являются звеньями единой замкнутой цепи, функционального круга (Funktionkreis) [26]. При переходе от аппарата восприятия к аппарату действия необходимо сначала выбрать определенную эффекторную программу действий в отношении воспринимаемого объекта. Эту задачу и решает функциональный круг. Его главная функция — учет соответствия или несоответствия определенной эффекторной программы действий содержанию воспринимаемого объекта. Именно в функциональном круге зарождается смысловая реальность [26].

С точки зрения теории Я. фон Икскюля, смысл — это состояние «внутреннего мира» организма, которое обеспечивает соответствие внешней среды обитания внутреннему миру (структурному плану) организма. Отдельные элементы жизненного мира (как реальные, так и имагинарные) приобретают интегративное (эмержентное) свойство — смысл, в котором закодирована их функция в системе жизненного мира [4]. Смысловая реальность связывает «жизненный мир» и «внутренний мир» (перцептивную и эффекторную системы, восприятие и действие) и придает жизнедеятельности организма способность избирательности. Можно также определить смысловую реальность как особое потребностно-мотивационное состояние организма, обеспечивающее соответствие внешней среды обитания внутреннему миру

(структурному плану) организма. Воспроизводство такого состояния активностью функционального круга наделяет жизненный мир смыслами, представляет организму его жизненный мир как смысловую реальность [26].

Концепция жизненного мира применима и к человеку. (В XX в. она получила в свое развитие в феноменологии, философской антропологии, эволюционной эпистемологии и др.). Жизненный мир человека отличается прежде всего тем, что включает в себя деятельность сознания и ее результаты, т. е. систему культуры, материальной и духовной. В том числе и, созданные воображением, субъективизированные образы реальности («имагинарную реальность»). Кроме того, жизненный мир человека постоянно расширяется (обогащается новыми элементами, компонентами, связями между элементами и др.), всегда незавершен и «открыт» в будущее, требует особой деятельности для обеспечения своей целостности, внутреннего единства. Открытость в будущее и незавершенность жизненного мира могут осознаваться субъектом как отчуждение от мира, отсутствие (или утеря) смысла «существования собственного Я». Тогда и возникает потребность субъекта в гармонизации своих отношений с природной и социальной средой. В такой потребности коренится онтологическая основа мистического опыта.

Мотивационная основа мистического опыта

Бытие человека двойственно. С одной стороны, он противостоит миру как особая, наделенная сознанием, «сверхприродная» часть бытия, а с другой — «вживлен» в мир [4], его существование невозможно без устойчивых связей с природной средой, т. е. без потребностей. Они являются стержнем жизненного мира, центрируют связи и отношения элементов системы жизненного мира. Их выражением выступают эмоции, аффекты, чувства. Потребности находятся в двойственном отношении к миру. С одной стороны, они несут в себе побуждение к деятельности, активность, энергетику субъекта. С другой — придают активности субъекта смысл, выполняют сигнально-регулирующую функцию. Двойственность потребностей определяет формирование двух групп экзистенциальных смыслов, пронизывающих собой духовный мир субъекта. В одной выражена зависимость субъекта от элементов жизненного мира, которая переживается субъектом как необходимость (нужда). В другой — волевое стремление субъекта преодолеть такую зависимость, желание «обрести» такие элементы, т. е. превратить их в условие собственного существования. Многовариантное взаимодействие этих экзистенциальных смыслов порождает различные состояния сознания, в том числе и те, которые характеризуются высокой чувственно-эмоциональной напряженностью. Одним из них таких состояний является и мистический опыт с его экстатическими ощущениями «выхода» сознания в «до (пред) бессознательные» глубины реальности.

Можно выделить две важнейшие экзистенциальные предпосылки мистического опыта. Во-первых, наличие образа сакральной «потусторонней

реальности». Сакральность предполагает зависимость субъекта от объекта образа, поэтому образ «потусторонней реальности» рано или поздно становится элементом жизненного мира. Во-вторых, установка на «обретение», активное «освоения» потусторонней реальности. Для этого образу «потусторонней реальности» должен быть придан смысл такого элемента жизненного мира, в котором субъект ощущает острую потребность (нужду). Реализация такой потребности направляет деятельность субъекта на освоение и «обретение» сакрального. На этом пути особую роль играет мотивационный этап деятельности. Потребность перерастает в мотив, когда субъект обнаруживает (воспринимает или осознает) существование (в границах «жизненного мира») предмета (не важно, реального или имагинарного), способного удовлетворить его потребности. Мотив является непосредственным побуждением к деятельности по «присвоению» такого предмета и придает ей общий смысл. Но мотив не определяет конкретных черт деятельности; они определяются целью. Как отмечал А.Н. Леонтьев, «генетически исходным для человеческой деятельности является несовпадение мотивов и целей» [22. С. 201].

Путь от мотива к цели — ключевой момент становления любой формы деятельности, процесс формирования ее оснований. Он носит конструктивный, творческий, неоднозначный, нелинейный, вариативный характер и порождает целое «поле» мотивационных состояний сознания. Одним из них является мистический опыт. Именно мотивационная основа мистического опыта придает ему импровизационный характер, а также тот обновленческий, творческий потенциал (в границах чувственно-эмоционального переживания мира субъектом), на который обращал внимание В.С. Соловьев.

Заключение

Таким образом, мистический опыт может быть определен как одно из мотивационных состояний сознания, порождаемое потребностью в гармонизации отношений субъекта с его средой (природной и социальной), преодолении отчуждения от мира, обретении смысла своего существования в (открытом в будущее и всегда незавершенном) жизненном мире. Особенности мистического опыта в том, что его предметом выступает не чувственно данный, а имагинарный объект, в нем не разделены реальное и воображаемое, чувственно-образное и абстрактно-понятийное, эмоциональное и когнитивное. Основанием мистического опыта является не когнитивная, а смысловая реальность. При этом, смыслы мистического опыта носят субъективный характер, непосредственно базируются на индивидуально-неповторимых сторонах жизнедеятельности человека, порождаются в жизненно-бытийных обстоятельствах под воздействием множества факторов как социокультурного, так и индивидуально-личностного характера (психологических, медицинских, фармакологических, гендерных, психиатрических и др.). Особенно успешно мистическое смыслообразование протекает в условиях, когда субъект не только стремится к немедленному снятию своего отчуждения от мира,

но при этом еще и не заинтересован в объективном отражении реальности, его устраивает «растворение» образа реальности в собственных переживаниях, за которыми скрываются мотивы и цели его жизнедеятельности.

Список литературы

- [1] *Найдыш В.М., Гнатик Е.Н., Данилов В.Н. и др.* Наука и квазинаука. М. : Альфа-М, 2008.
- [2] *Соловьев В.С.* Кризис западной философии // В.С. Соловьев. Соч.: в 2 т. Т. II. М. : 1988.
- [3] *Naidysh V.M.* Hellenic theology of early classical period // *RUDN Journal of Philosophy*. 2020. Т. 24. № 4. С. 669—680. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2020-24-4-669-680>
- [4] *Найдыш В.М.* Экзистенциальные основания тайнотворчества // *Вопросы философии*. 2020. № 4. С. 31—40. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-4-31-40>
- [5] *Найдыш В.М., Найдыш О.В.* Цивилизация и рациональность. Очерки по философии мифологии. М. : Русайнс, 2020.
- [6] *Otto R.* *Mysticism East and West: A Comparative Analysis of the Nature or Mysticism /* Trans. by B.L. Bracey and R.C. Payne. N.Y. : Macmillan, 1972 [1926].
- [7] *Butler E.C.* *Western Mysticism: The Teaching of Saints Augustine, Gregory, and Bernard on Contemplation and the Contemplative Life.* New York : E. P. Dutton, 1923.
- [8] *Inge W.R.* *Christian Mysticism.* New York : Living Age, 1956 [1899].
- [9] *Малевич Т.В.* Теории мистического опыта: историография и перспективы. М. : ИФРАН, 2014.
- [10] *Торчинов Е.А.* Путь запредельного. Религии мира. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб. : Пальмира, 2017.
- [11] *Стобер М.* Компаративные исследования мистицизма // *Философия религии: аналитические исследования*. 2017. Т. 1. № 1. С. 46—87.
- [12] *Sells M.A.* *Mystical Languages of Unsayng.* Chicago : University of Chicago Press, 1994.
- [13] *Penner H.H.* *The Mystical Illusion // Mysticism and Religious Traditions /* Ed. by S.T. Katz. New York : Oxford University Press, 1983. P. 89—116.
- [14] *Katz S.T.* *Language, Epistemology, and Mysticism // Mysticism and Philosophical Analysis /* Ed. by S.T. Katz. New York : Oxford University Press. 1978. P. 22—74.
- [15] *Андерхилл Э.* Мистицизм. Опыт исследования природы и законов развития духовного сознания человека. Киев : София, 2000.
- [16] *Leuba J.H.* *The Psychology of Religious Mysticism.* London : Routledge and Kegan Paul, 1972 [1925].
- [17] *Huxley A.* *The Doors of Perception and Heaven and Hell.* New York: Perennial Classics, 2004 [1954].
- [18] *Smith H.* Do drugs have religious significance? // *Paths Beyond Ego: The Transpersonal Vision* Ed. Frances Vaughan, Roger Walsh. Penguin Publishing Group, 1993. P. 120—140.
- [19] *Strassman R.* *DMT. The Spirit Molecule. Revolutionary Research in the Biology of Near-Death and Mystical Experiences*. Rochester, VT : Park Street Press, 2001.
- [20] *The Innate Capacity: Mysticism, Psychology and Philosophy /* Ed. by R.K.C. Forman. New York : Oxford University Press, 1998.
- [21] *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2002.
- [22] *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М. : Смысл, 2000.
- [23] *Гальперин П.Я.* Лекции по психологии. М. : Книжный дом «Университет». Высшая школа, 2002.

- [24] Maturana H.R., Varela F.J. *El Arbol del Conocimiento: Las Bases Biologicas del Conocer Humano*. Santiago : Editorial Univ., 1984.
- [25] Uexküll J. von. *Umwelt und Innenwelt der Tiere*. Berlin : Verlag von Julius Springer, 1909.
- [26] Найдыш О.В. Смысловая реальность и мифотворчество // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2019 года, г. Севастополь). Севастополь : Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2019. С. 158—161.

References

- [1] Naidysh VM, Gnatik EN, Danilov VN, et al. *Science and quasi science*. Moscow: Alpha-M Publ.; 2008. (In Russian).
- [2] Solovyov VV. The crisis of Western philosophy. In: Solovyov VS. *Works in 2 vols*. Vol. II. Moscow: Mysl' Publ.; 1988. (In Russian).
- [3] Naidysh VM. Hellenic theology of early classical period. *RUDN Journal of Philosophy*. 2020;24(4):669—680. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2020-24-4-669-680>
- [4] Naidysh VM. Existential Foundations of Mystery Creativity. *Voprosy Filosofii*. 2020;(4):31—40. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-4-31-40> (In Russian).
- [5] Naidysh VM, Naidysh OV. *Civilization and rationality. Essays on the philosophy of mythology*. Moscow: Ruscience; 2020. (In Russian).
- [6] Otto R. *Mysticism East and West: A Comparative Analysis of the Nature or Mysticism*. New York: Macmillan; 1972 [1926].
- [7] Butler EC. *Western Mysticism: The Teaching of Saints Augustine, Gregory, and Bernard on Contemplation and the Contemplative Life*. New York: E. P. Dutton; 1923.
- [8] Inge WR. *Christian Mysticism*. New York: Living Age; 1956 [1899].
- [9] Malevich TV. *Theories of mystical experience: historiography and prospects*. Moscow: IFRAN; 2014. (In Russian).
- [10] Torchinov EA. *The Path of the beyond. Religions of the world. Psychotechnics and transpersonal states*. Saint Petersburg: Palmyra; 2017. (In Russian).
- [11] Stoeber M. The Comparative Study of Mysticism. *Philosophy of Religion: Analytic Researches*. 2017;1(1):46—87.
- [12] Sells MA. *Mystical Languages of Unsayng*. Chicago: University of Chicago Press; 1994.
- [13] Penner HH. *The Mystical Illusion*. In: Katz ST, editor. *Mysticism and Religious Traditions*. New York: Oxford University Press; 1983. P. 89—116.
- [14] Katz ST. *Language, Epistemology, and Mysticism*. In: Katz ST, editor. *Mysticism and Philosophical Analysis*. New York: Oxford University Press; 1978. P. 22—74.
- [15] Underhill E. *Mysticism. A study in the nature and development of man's spiritual consciousness*. New York: The Noonday Press; 1955 [1910].
- [16] Leuba JH. *The Psychology of Religious Mysticism*. London: Routledge and Kegan Paul; 1972 [1925].
- [17] Huxley A. *The Doors of Perception and Heaven and Hell*. New York: Perennial Classics; 2004 [1954].
- [18] Smith H. Do drugs have religious significance? In: Vaughan F, Walsh R, editors. *Paths Beyond Ego: The Transpersonal Vision*. New York: Penguin Publishing Group; 1993. P. 120—140.
- [19] Strassman R. *DMT. The Spirit Molecule. Revolutionary Research in the Biology of Near-Death and Mystical Experiences*. Rochester, VT: Park Street Press; 2001.

- [20] Forman RKC, editor. *The Innate Capacity: Mysticism, Psychology and Philosophy*. New York: Oxford University Press; 1998.
- [21] Rubinstein SL. *Basics of General Psychology*. Saint Petersburg: Peter Publ; 2002. (In Russian).
- [22] Leont'ev AN. *Lectures on General psychology*. Moscow: Smysl Publ.; 2000. (In Russian).
- [23] Galperin PYa. *Lectures on psychology*. Moscow: Book House "University", High school; 2002. (In Russian).
- [24] Maturana HR, Varela FJ. *El Arbol del Conocimiento: Las Bases Biologicas del Conocer Humano*. Santiago: Editorial University; 1984. (In Spanish).
- [25] Uexküll J von. *Umwelt und Innenwelt der Tiere*. Berlin: Verlag von Julius Springer; 1909. (In German).
- [26] Naydysh OV. Meaningful Reality and Mythmaking. In: *Myth in history, politics, culture* [Electronic resource]. Collection of materials of the 3 rd International scientific interdisciplinary conference (June 2019, Sevastopol). Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University; 2019. P. 158—161. (In Russian).

Сведения об авторах:

Найдыш Вячеслав Михайлович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии и теории познания, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: v.naidysh@bk.ru).

Найдыш Ольга Вячеславовна — кандидат философских наук, преподаватель кафедры онтологии и теории познания, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: olga.naydysh@bk.ru).

About the authors:

Naidysh Viacheslav Mikhailovich — DSc in Philosophy, Professor of the Department of Ontology and Epistemology, Peoples Friendship University of Russia, RUDN University, Moscow, Russia (e-mail: v.naidysh@bk.ru).

Naidysh Olga Viacheslavovna — Candidate of Philosophy, Department of Ontology and Epistemology, Peoples Friendship University of Russia, RUDN University, Moscow, Russia (e-mail: olga.naydysh@bk.ru).